

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ
И ФИЛОСОФИИ**

**ДРЕВНИЕ ПАМЯТНИКИ
СЕВЕРНОЙ АЗИИ
И ИХ ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ**

(сборник научных трудов)

**Отв.ред.: д.и.н.В.Е.Медведев
к.и.н. Ю.С.Худяков**

Новосибирск 1988

КУРГАН 53 ЗМЕЙНИНСКОГО МОГИЛЬНИКА НА ЧУЛЫМЕ

Змейнинский могильник расположен в Первомайском районе Томской области на правом берегу р. Чулым, в самой крутой излучине его среднего течения. В 1980 – 1981, 1983 – 1985 гг. на памятнике вскрыто 65 курганных насыпей из 140. Из раскопок сезона 1984 г. особо интересен материал кургана 53¹.

Раскоп был разбит на округлой земляной насыпи размером 8,1 x 7,8 м высотой до 1,1 м, прилегающей к ней площади и четырех околочурганых ямах (рис. 1). При снятии насыпи найден обломок точила (рис. 2, 3). В полах с западной и восточной стороны – части железных предметов (рис. 2, 2, 7) и скопление костей от четырех взрослых (возраст не менее 5 – 6 лет) особей лошади: остатки трех нижних челюстей и одного черепа². С костями животных обнаружена железная панцирная пластина (рис. 2, 4). В околочурганной яме в северо-западном секторе найдено скопление керамики (рис. 2, 1), в околочурганном пространстве – железный предмет в виде дужки (рис. 2, 5). Под насыпью на глубине 0,7 м в центре кургана на обожженной площадке древней дневной поверхности расчищено погребение по типу полного трупопосожения на стороне. Оно расположено в юго-западной части погребального сооружения. Его размеры 2,6 x 4,3 м, ориентация – юго-запад – северо-восток (рис. 3). Выполнено следующим образом: по периметру прямоугольника без жесткого углового крепления клались плахи, плашки, полубревна. Часть погребальной конструкции обожжена. Среди кальцинированных костей встречены вещи со следами окалина: железный (рис. 2, 10) и бронзовый шпильки, железная пряжка-петля (рис. 2, 9), пластина со шпильками (рис. 2, 6), рядом наконечник стрелы (рис. 2, 8). В северо-восточной части погребального сооружения выявлена яма подпрямоугольной формы размерами 0,73 x 0,6 м, углубленная в материк на 0,5 м и ориентированная по линии юго-восток – северо-запад с отклонением к югу. Содержимое и планиграфия ямы позволяют рассматривать ее как тайник – объект, предназначенный для помещения конской упряжки и небольшой группы бытовых предметов. Особую значимость содержимое тайника приобретает вследствие то-

го, что комплекс зарегистрирован в состоянии *in situ*. Стратиграфия, характер расположения вещей на дне тайника не вызывает в этом сомнения, что немаловажно для реконструкции сбруи. Фиксация тайника непо потревоженным не исключила в условиях рыхлого песчаного грунта чрезвычайно сильной коррозированности предметов. На погребальный костер их, в отличие от большинства вещей из погребений Змеинкинского могильника, не возлагали, поэтому они не имеют предохраняющей от разрушения окарины.

Конская упряжь представлена в тайнике железными и частично кожными деталями узды (оголовье с удилами) и ножными опорами (железными деталями двух путлиц со стременами). Несомненно, данный комплекс представляет индивидуальный, причем довольно полный, набор конской сбруи, а не сумму ее отдельных элементов.

Оголовье с удилами были положены на дно тайника не в расправленном виде, а кучкой, которая в последующие долгие столетия превратилась к моменту раскопок в бесформенную, пропитанную продуктами коррозии массу, фиксируемую двумя скоплениями. Разборка их представляла большую сложность, однако взаиморасположение и функциональное назначение почти всех предметов удалось установить. Предложенная реконструкция оголовья с удилами (рис. 4) основывается на наборе деталей и их взаиморасположении на дне тайника. Кожаные ремни узды сохранились фрагментарно, лишь в случае соприкосновения их с железными вещами.

Оголовье из тайника кургана 53 было изготовлено по типу легкой конструкции³ с использованием четырех подвижных распределителей ремней (тройников) в местах соединения шейного (подчелюстного), затылочного, наносного, двух нащечных ремней. Применение в узде тройников предполагает отсутствие налобного и подгубного ремней⁴. Рассмотрим систему оголовья подробнее, для удобства описания условно выделив в ней верхнюю и нижнюю части.

Отдельное расположение двух распределителей (I⁵, рис. 5, 3; 2, рис. 5, 7) в скоплении относит именно их к двум верхним деталям, т.е. для соединения шейного, затылочного и нащечных ремней в височной части головы лошади. В распределитель ремня верхней части оголовья входит железное уплощенное кольцо (внешний диаметр около 5,5 см, внутренний - около 3,5 см), к которому под определенным углом подходят концы трех указанных ремней

шириной 1,6 - 1,7 см. Конец каждого ремня усилен железной накладкой, а концы шейного и нащечного дополнительно были зажаты обоймами шириной 0,4 - 0,5 см. Фиксация определенного углового взаиморасположения остатков ремней на железном кольце позволяет конкретизировать их первоначальное размещение в верхней части оголовья и определить правый (1, рис. 5, 3) и левый (2, рис. 5, 7) тройники. Это, в свою очередь, относит уже пряжку (3, рис. 5, 6) шейного ремня, обнаруженную рядом с левым тройником, к левой стороне узды (т.е. размещалась на левой стороне шеи лошади). О форме пряжки сказать что-либо определенное трудно, так как она сильно корродирована и неотделима от остатков пропущенного через нее ремня. Но именно это обстоятельство, с другой стороны, позволяет сделать вывод о том, что в момент помещения узды в тайник пряжка шейного ремня не была расстегнута. На входящем в пряжку конце шейного ремня сохранились отверстия, которые позволяли регулировать его натяжение.

Особую сложность в реконструкции верхней части оголовья представляет определение принадлежности фрагментов ремня с железными бляшками разных форм. В момент снятия они находились в двух точках. Один фрагмент ремня длиной 8,5 см с чередующимися накладками прямоугольных и круглых форм (4, рис. 5, 2) - под левым тройником, другие (5, рис. 5, 1) - по одной прямой рядом с правым. По взаиморасположению деталей всего оголовья ясно лишь то, что эти бляшки не относятся к нащечным ремням. Всего обнаружено 11 бляшек: 7 круглых, 2 прямоугольных, 2 в виде кольцевой пластины. С учетом бляшек, "прикипевших" к тройникам, их было несколько больше. Бляшки с помощью шпенок крепились на двойную полосу кожи шириной в одном случае 1,5 см, в другом - 1,5 - 1,7 см. Бляшки жестко крепились на ремень заклепками. Возможно, относятся к затылочному ремню.

Автору неясен характер и функциональное назначение двух предметов (рис. 5, 4, 5). Так как они находились на одной прямой с фрагментами ремня, украшенного бляшками (5), то могли относиться к шейному или затылочному ремням.

К нижней части оголовья относятся: два распределителя ремня (6, 7, рис. 6, 1, 6), обойма (8, рис. 6, 2), две пряжки (9, 10, рис. 6, 3, 5), две накладки (11, 12, рис. 7, 1, 3), удила (13, рис. 7, 7), круглый диск (14, рис. 6, 4). Размеры

нижних распределителей такие же, как у верхних тройников, конструкция то-же, за исключением одного: концы всех трех ремней, а не двух, имеют зажимную обойму. От каждого нижнего распределителя отходило три ремня: нащечные (вверх и вниз), наносный (вбок). Часть нащечного ремня, направленная вниз, реконструируется четче. Отметим, что длина ее (от нижнего тройника до удил) не могла быть менее 10,9 см (0,5 см ширина зажимной обоймы у тройника, 3,2 см длина накладки у тройника, 0,5 см ширина обоймы, 3,0 см длина пряжки, 3,2 см длина накладки у удил, 0,5 см ширина зажимной обоймы у удил).

Удила (13, рис. 7, 7) - кругово-кольцевые, состоят из двух подвижных звеньев длиной 9,0 и 9,5 см и двух уплощенных колец (внешний диаметр 5,5 см, внутренний 4,0 см), выполняющих роль псалиев. По классификации А.П.Кирпичникова они относятся к IV типу удил⁶. Разница в размерах грызель небольшая, чтобы можно было говорить об асимметричности удил. На каждом кольцевом псалии сохранились остатки двух кожаных ремней - от нижнего конца нащечного ремня и повода. Ширина их от 1,5 до 1,8 см, судя по остаткам ремней на кольцах. Для того чтобы удила можно было свободно вкладывать в рот лошади, а также для регулировки их натяжения, на каждом нижнем отрезке нащечного ремня (от нижнего распределителя до удил) предусматривалось наличие по одной пряжке (9, 10, рис. 6, 3, 5). Рядом с родной имелась также обойма (8, рис. 6, 2) для закрепления конца ремня. Среди деталей нижней части оголовья обнаружены две накладки с зажимными обоймами (11, 12, рис. 7, 1, 3) на остатках ремней. Отнести их к поводу или нащечному ремню - автору пока не ясно, в связи с этим уместно сослаться на замечание И.Л.Кызласова ("...псалии сопровождаются лишь одной железной накладкой для нащечного ремня, даже если повод и крепился к кольцу псалия, его конец не оформлялся накладкой")⁷. К украшениям наносного ремня следует отнести, по-видимому, железный круглый диск с позолоченной лицевой поверхностью, с остатками ремня (14, рис. 6, 4). Система крепления его не ясна.

В северном углу тайника расчищена группа предметов, относящихся к другой части конского снаряжения - ножным опорам. Стремя (рис. 8, 2) выполнено из расширенной части рога лося⁸, толщина его 1,4 - 2,2 см. Контур стремени арочный, верх округ-

лый, подножка выпуклая. Прямоугольная прорезь для путлищного ремня расположена в уплощенном ушке, сечение дужки прямоугольное. Общий профиль стремени немного выпуклый, по-видимому, мастер при изготовлении ножной опоры использовал естественный изгиб рога. Ориентируясь по положению железных украшений (рис. 8, I, 3), описанных выше, стремя в свободном положении вогнутостью было обращено к туловищу коня. Тщательно отшлифованное, судя по истертости внутренней стороны верхней части ушка, оно использовалось по прямому назначению. Следов того, что роговая основа чем-то обкладывалась, нет.

Вплотную к ушку костяного стремени по одной линии подходили железные предметы в следующей последовательности: длинная накладка с двумя шпеньками и фигурным окончанием, 4 накладки фигурных очертаний с одним шпеньком, сломанное кольцо (рис. 8, I). Точно такой же набор металлических предметов (рис. 8, 3), но на одну фигурную накладку меньше, прослежен несколько в стороне от них. Без сомнения, железные детали можно расценивать как металлические украшения на путлищный ремешок, ширина которого, судя по остаткам кожи под накладками и длине ушка стремени, составляла не менее 2,1 – 2,3 см. Кожаный ремень выступал за украшения, которые прикреплялись к нему с помощью шпеньков. Второе стремя не было найдено ни около второго путлищного ремня, ни вообще в тайнике. К принадлежностям сбруи относится, вероятно, железная накладка-крючок (рис. 7, 9), обнаруженная отдельно от других вещей у северо-западной стенки. Накладка Т-образной формы с одним шпеньком на каждом округлом конце. Длина шпеньков в 0,6 – 0,7 см позволяет предположить, что накладка-крючок крепилась на кожаную основу. В тайнике также обнаружены отдельным скоплением 2 пряжки и обломок железного предмета (рис. 7, 4 – 6).

Между северо-восточной стенкой тайника и скоплением деталей узды расчищена группа миниатюрных предметов: нож (длиной 3,4 см), скобовидное кресало с загнутыми концами (длина 4,2 см), тесло с выраженными плечиками, несомкнутой втулкой (длина 6,4 см, диаметр втулки около 2,0 см, ширина лезвия 2,5 см) (рис. 7, 8, 10, 11). На рукояти ножа, крае кресала, во втулке тесла сохранились следы от деревянных деталей. Предметы зафиксированы лежащими параллельно друг другу, через 2 – 3 см. Создается

впечатление, что миниатюрные вещи были аккуратно разложены на дне тайника, а не помещены в какую-либо оболочку.

Прежде чем закончить описание предметов из тайника, необходимо остановиться еще на одном моменте. Многие элементы конского убранства покрыты золотом, украшены орнаментом. Однако технология обработки лицевых поверхностей, орнаментации железных деталей в данной работе не рассматривается, так как на сегодняшний день отсутствует возможность квалифицированной реставрации с сохранением остатков кожаных ремней как доказательств вышеизложенной реконструкции. Отметим лишь частности. В оголовье лицевые поверхности конструктивных элементов всех 4 тройников, 2 накладок на нащечные ремни, бляшек разных форм золотились, орнаментировались процарапыванием волнистой линии и черной краской. По-видимому, при украшении разных деталей оголовья применялись одинаковые технологические приемы и орнаментальные мотивы. Длинная накладка на путлищный ремень (без стремени) также была покрыта золотом, что подтверждается наличием на ней заусениц и неглубоких канавок, необходимых для лучшего прикрепления драгоценной фольги.

Такова основная характеристика предметов из тайника. Встанет вопрос о датировке этого комплекса и, следовательно, всего кургана 53. Для ответа на него привлекаются преимущественно аналоги из Южной Сибири.

Легкий тип узды, по мнению А.П. Кирпичникова, на Руси оформляется в X в.⁹ Отсутствие в узде налобного и подгубного ремней по материалам средневековых кыргызов эпохи чаа-тас и IX - X вв. допускает И.Л. Кыласов¹⁰. Тройник как деталь легкой узды встречен в памятниках XI - XII вв. Тувы (Шанчиг), Хакасско-Минусинской котловины (Кизек-Тигей¹¹, Терен-Хол¹²), на Верхней Оби (Басаңдайка, XII - XIV вв.)¹³ и др. Система крепления ремней к тройнику с помощью зажимной пластины наблюдается на примере распределителя с сохранившимися кожаными ремнями из могильника Ур-Бедари сроткинской культуры¹⁴ в Томско-Обском междуречье.

Находки кольчатых удиц в Южной Сибири единичны в конце I тыс. н.э.¹⁵, но к XIII - XIV вв. они господствуют повсеместно, поэтому, надежным средством для датировки служить не могут. При отсутствии аналогов бляшкам от шейного или затылочного

ремня для оголовья определяется дата не ниже X в.

Похожего образца для стремени среди костяных или роговых опор не встречено. Находки из подобных органических материалов вообще редкое явление¹⁶. Учитывая преимущественное распространение в эпоху средневековья железных стремян, правомерно сравнение именно с ними, являвшимися, по-видимому, основой для подражания. Аналогами для общего контура змеинкинского стремени без учета размеров подножки являются находки XIII - XIV вв. из Хакасско-Минусинской котловины (Канско-Перевозинское, Самохвал-П)¹⁷. Датировку ножных опор уточняют накладки на путлищный ремень. Длинная накладка (рис. 8, 1а) имеет по одному шпеньку в верхней и нижней части, что, по мнению И.Л.Ильзасова, в Южной Сибири является хронологическим признаком XI - начала XII вв.¹⁸. По материалам киргызского могильника XI - XII вв. в Минусинской котловине Ортызы-Оба В.С.Худяковым зафиксированы находки¹⁹, аналогичные другой змеинкинской накладке на путлищный ремень - с фигурными сторонами (рис. 2, 1 в-е, 2 в-д). Он относит их к украшениям нагрудного ремня сбруи. Принадлежность же фигурных накладок из тайника кургана 53 к путлищному ремню несомненна. Датировка ножных опор устанавливается примерно XI - XII вв. Для группы миниатюрных предметов из тайника возможна датировка лишь в широких пределах. Факт находок уменьшенных копий вещей известен в Южной Сибири по материалам тагарской²⁰ и таштыкской²¹ культур и до начала II тыс. н.э.²². Учитывая то, что в своем исполнении миниатюрные вещи, возможно, ориентировались на реальные образцы, правомерно сравнение с ними. В частности, скобковидные кресала встречены на большой территории в памятниках конца I - начала II тыс. н.э. В ближайших могильниках подобные кресала найдены в Басагдайке²³, в Берегаевском могильнике на среднем Чульме²⁴. Для тесла с выраженными плечиками похожий экземпляр имеется в кургане 2 Оглахты-П (конец X - начало XI вв.)²⁵. Для третьего предмета из группы миниатюрных - ножа - аналоги отсутствуют из-за плохой сохранности. Таким образом, содержимое тайника - оголовье, ножные опоры, группа миниатюрных предметов - датируется в пределах XI - XII вв. по накладкам на путлищные ремни. Не противоречат этому и находки из погребения: петля-пряжка (рис. 2, 9) находит аналоги

на Алтае в могильнике Ак-Таш (середина XI - начало XII вв.)²⁶; наконечник стрелы соответствует 2 типу У группы (боеголовковые) по классификации В.С. Худякова для оружия из долины р. Табат (могильник Тербен-Хол, курган 5 - не ранее XIII - XIV вв.)²⁷. Керамика из околочурганной ямы (рис. 2, I) близка найденной в памятниках начала II тыс. н.э. - на Верхней Оби в могильниках Красный Яр - I (керамика XIII - XIV вв. из насыпей²⁸), Басандайка²⁹; на Чулыме в Городском-I поселении³⁰, Берегаевском могильнике³¹. Датировка кургана 53 Змеинкинского могильника представляется XI - XII вв. н.э.

Таким образом, анализ погребального комплекса и особенно содержимого тайника позволяет подвести итоги и отметить некоторые важные моменты. Период начала II тыс. н.э. в истории конской упряжи Южной Сибири и юга Западной Сибири является малоизученным. Находки этого времени и региона сравнительно полных наборов сбруи, зарегистрированных *in situ* автору по публикациям не встретились. Археологам приходится ограничиваться реконструкцией на основании материалов разных погребений или в лучшем случае с привлечением небольшого количества деталей из одного погребения. Особенно трудно восстановить конструкции конского убранства по материалам трупосождений. Отсюда возникают спорные моменты в определении типов упряжи.

Реконструкция чулымского оголовья с удилами свидетельствует о том, что населению, оставившему Змеинкинский могильник, в XI - XII вв. был знаком легкий тип узды, что в свою очередь характеризует его как хороших коневодов: легкая конструкция "предназначалась для хорошо выезженного коня, не норовившего сбросить свой намордник"³². Констатация оголовья с пряжкой шейного ремня именно на левой стороне шеи лошади позволяет предположить, что владелец сбруи садился на лошадь слева: с той стороны, где удобнее было регулировать пряжкой натяжение шейного ремня. Отсюда логично заметить, что одежда всадника, скорее всего, была правопольной: при закидывании правой ноги на седло удобнее откидывать заднюю сторону одежды, каковой в таком случае являлась правая пола. Завершая цепочку рассуждений, предположим - правая пола женской одежды: кремнированные остатки человеческих костей из погребения кургана 53 определены как принадлежавшие, вероятно, женщине от 20 до 40 лет³³.

Вещи из тайника, несмотря на то, что они найдены в стороне от кремированных костей, рассматриваются как принадлежавшие умершей.

Интересен факт обнаружения стремени в одном экземпляре. Отвлекаясь от материала стремени, непарную находку в тайнике Змеинкинского могильника вряд ли можно объяснить по аналогии с материалами Руси X - XII вв. использованием наряду с костяной, несохранившейся к моменту раскопок, кожаной ножной опоры³⁴. Очевидно, второе стремя было намеренно отделено от путлищного ремня до помещения его в тайник. Примеры находок одиночных стремей в погребениях юга Сибири не единичны³⁵. Г.В.Длужневская по материалам древнетюркских погребений непарное количество стремей связывает с половозрастными дефинициями. Находки одного металлического стремени встречены в древнетюркских погребениях УП - IX вв. подростков (Тува, Аргалыкты-I, курган 4), женщин (Тува, Кара-Тал, курган 2). Ей это удалось проверить и по материалам Алтая (Катанда-II, Кудыргэ-II)³⁶. По наблюдениям Р.С.Липец, в тюркско-монгольском эпосе порча седла является символом гибели его владельца и способом перемещения в загробный мир³⁷. С этим, возможно, связана некомплектность стремей из змеинкинского кургана, а также факт помещения в тайник оголовья с нерасстегнутой пряжкой шейного ремня - в момент снятия с коня она могла быть перерезана.

Обнаруженный в тайнике кургана 53 XI - XII вв. комплект миниатюрных предметов является продолжением традиции, бытовавшей в У - УШ вв. в пограничных с Причудлым регионом: в Томском (Тимирязевский-I курганный могильник, курганы У - УI и УI - УШ вв.)³⁸ и Нарымском Приобье (Релка, УI - УII вв.)³⁹. Нахождение миниатюр в погребальных комплексах второй половины I тыс. н.э. Л.А.Чиндина объясняет возможными экономическими соображениями или обрядовыми требованиями⁴⁰. По материалам Змеинкинского могильника миниатюрные комплексы (тесло, нож, кресало) и отдельные миниатюрные предметы из перечисленного набора являются характерной особенностью тайников и большинства трупосожжений. Что кроется за этим обычаем в некрополе II тыс. н.э. на Чулыме, каков характер связи его с подобным явлением второй половины I тыс.н.э. в Томско-Нарымском Приобье предмет особого рассмотрения.

Характер погребального ритуала кургана 53 Змеинкинского могильника, инвентарь погребения и тайника на общем фоне ритуала захоронения и инвентаря других раскопанных курганов позволяет говорить о южном влиянии, в частности о близости к культуре средневековых кыргызов. В подтверждение этому необходимо дальнейшее исследование накопленных материалов, продолжение работ как на Змеинкинском могильнике, так и на других памятниках конца I – начала II тыс. н.э. в Причумылье.

Примечания

1. Беликова О.Б. Отчет о полевых исследованиях Средне-Чулымского отряда Археологической экспедиции Томского государственного университета 1984 года. Томск, 1985; фонды Музея археологии и этнографии Томского университета, коллекция № 7447.
2. Определение Н.Д.Оводова, сотрудника Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Osteологическая коллекция хранится в фондах ИИФФ.
3. См.: Кирпичников А.П. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX – XIII вв. // Свод археологических источников. – Л., 1973. – Вып. Е1-36. – С. 30, 31.
4. Там же. – С. 31.
5. Здесь и далее цифра в скобках соответствует номеру на рис.4.
6. Кирпичников А.П. Указ. соч. – С. 16, рис. 4.
7. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X – XIV вв. // Свод археологических источников. – М., 1983. – Вып. Е3-18. – С. 58.
8. Определение Н.Д.Оводова.
9. Кирпичников А.П. Указ. соч. – С. 21.
10. Кызласов И.Л. Указ. соч. – С. 32.
11. Там же. – С. 33, табл. УШ, II, 13.
12. Худяков В.С. Кыргызы на Табате. – Новосибирск, 1982. – Рис. 87, II.
13. Басаңдайка. – Томск, 1948. – Табл. 30, 101; 60, 84а; Дultzон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // УЗ ТГПИ. – Томск, 1953. – Т. X. – С. 170 – 179.

14. Могильников В.А. Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., 1981. - Рис. 27, 94.
15. См.: Савинов Д.Г. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (П тыс. н.э.) // СЭ. - 1977. - № 1. - С. 38.
16. Кызласов Л.Р. Курганы тувинцев // Вестн. МГУ. - Сер. историческая. - 1964. - № 5. - Табл. I, 54; Кызласов И.Л. О происхождении стремян // СА. - 1973. - № 3. - Рис. 6, 5; с. 33.
17. Кызласов И.Л. Указ. соч. - Табл. XVI, 2, 4.
18. Там же. - С. 52, рис. IX.
19. Худяков Ю.С. Указ. соч. - Рис. 104, 4-7.
20. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. - М., 1951. - С. 114.
21. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960. - С.: 36.
22. См.: Кызласов Л.Р. Указ. соч. - Т. 2, № 1, 64; Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. - Л., 1984; Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. - М., 1984.
23. Басандайка. - Табл. 47, 51, 55, 56, 60, 69, 78, 87.
24. Матюшенко М.И., Коркина И.А. Исследование Берегаевского могильника на Среднем Чулыме в 1985 году // Этнокультурные явления в Западной Сибири. - Томск, 1978. - Рис. 12, 5.
25. Кызласов И.Л. Указ. соч. - С. 41, табл. XXIV, 4.
26. Там же. - Табл. XXV, 4.
27. Худяков Ю.С. Указ. соч. - С. 203, рис. 143, 4; № 1.
28. Третьякова Т.Н. Угчинский Яр-I - памятник позднего железного века // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск, 1978. - С. 115, рис. 2, 15; 6, 10.
29. Басандайка. - Табл. 14, 8; 13, 2; 27, 8.
30. Кожурина О.Б. Раскопки и разведки на Среднем Чулыме // АО 1976 года. - М., 1978. - С. 231.
31. Матюшенко В.И., Коркина И.А. Указ. соч. - Рис. 12, 1.
32. Кирпичников А.П. Указ. соч. - С. 31.
33. С.А. Дремов, кабинет антропологии ТГУ.
34. Кирпичников А.П. Указ. соч. - С. 44.
35. См.: Худяков Ю.С., Скобелев С.Г. Позднесредневековое

- шагунское погребение в могильнике Ортызы-Оба // Эт сгра и народсв Сибири. - Новосибирск, 1984. - С. 107.
36. Длужневская Г.В. Сопроводительный инвентарь и вопросы повозрастной дифференциации древнетуркского общества (с материалаи погребального обряда) // Из истории Сибири. Томск, 1976. - Вып. 21. - С. 193 - 200.
37. Липец Р.С. Отражение погребального обряда в тюркско-монгольском эпосе // Обряды и обрядовый фольклор. - М., 1982 - С. 224 - 225; Она же. Образы батыра и его коня в тюрк-монгольском эпосе. - М., 1984. - С. 197
- Беличова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в У - Ал вв. н.э. - Томск, 1963. - С. 17; рис. 36, 2; 40, 1.
39. Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. - Томск, 1977. С. 96, 97.
40. Там же. - С. 96.

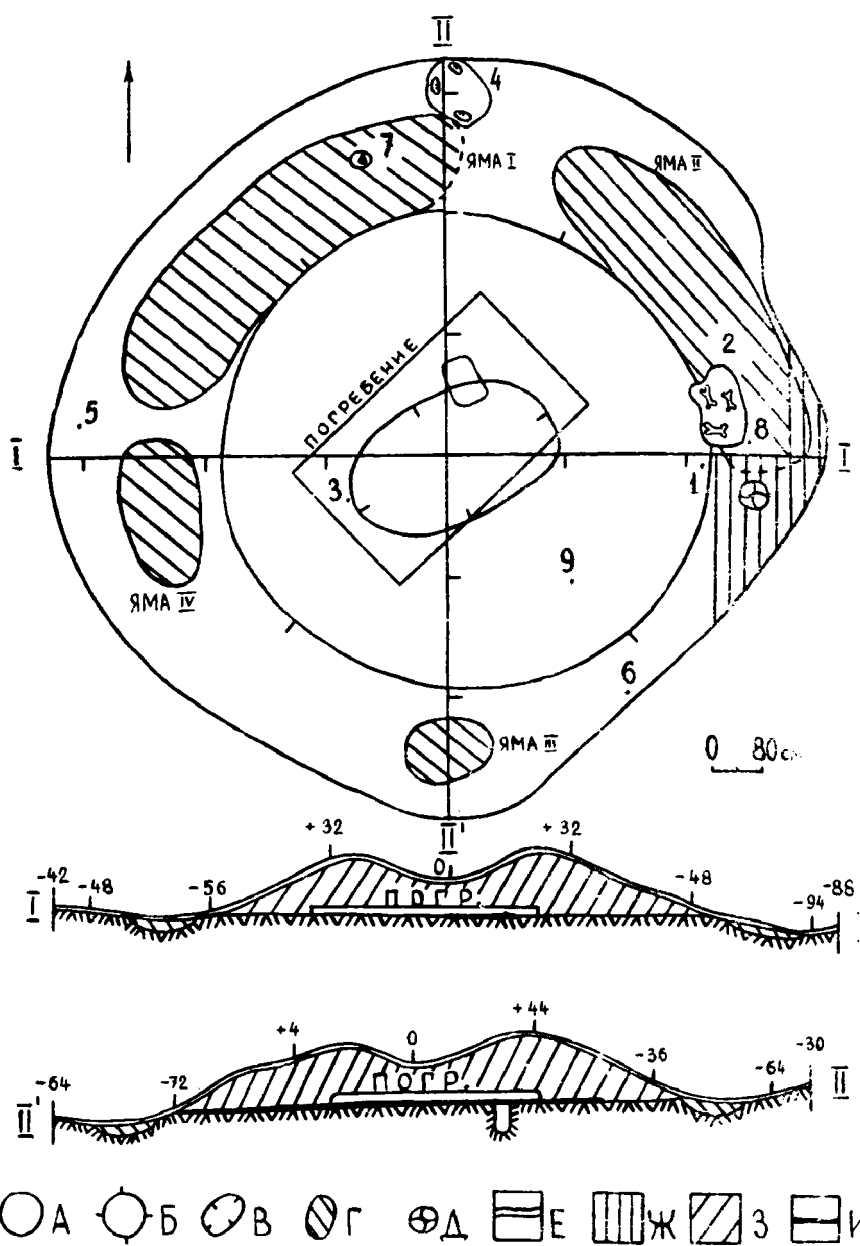


Рис. I. Змеинкинский курганный могильник. Курган 53.

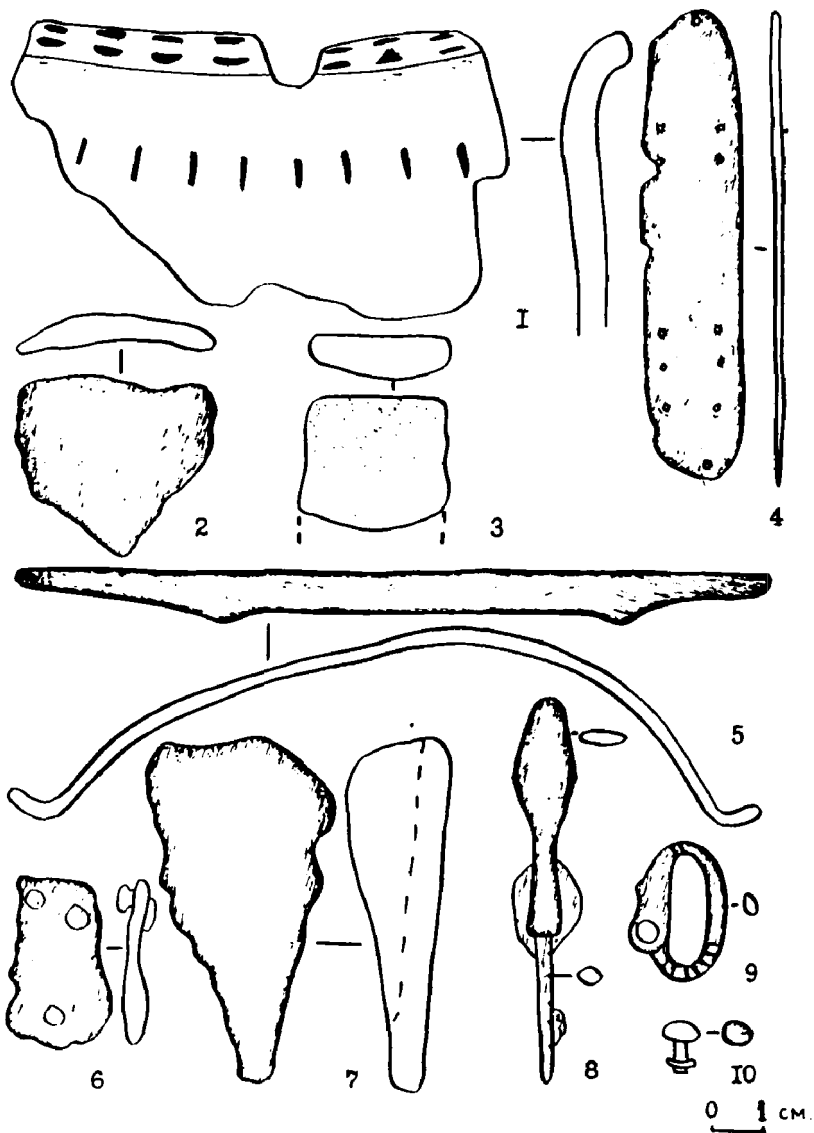


Рис. 2. Змеинкинский курганный могильник. Курган 53. 6, 8-10 - из погребения, 5, 6 - из межкурганного пространства, I - из околокурганной ямы. 2, 4 - из пол кургана, 3 - из насыпи. I - керамика, 3 - камень, остальное - железо.

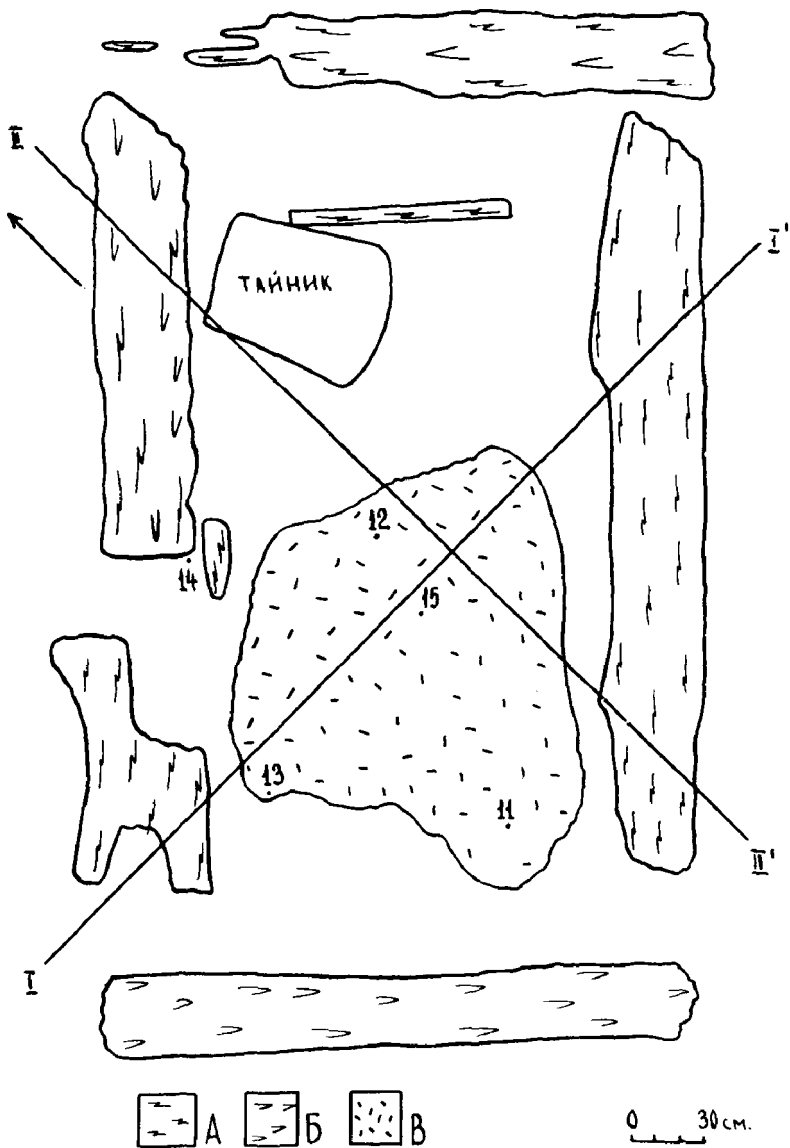


Рис. 3. Курган 53. План погребения.

ПРАВАЯ СТОРОНА

ЛЕВАЯ СТОРОНА

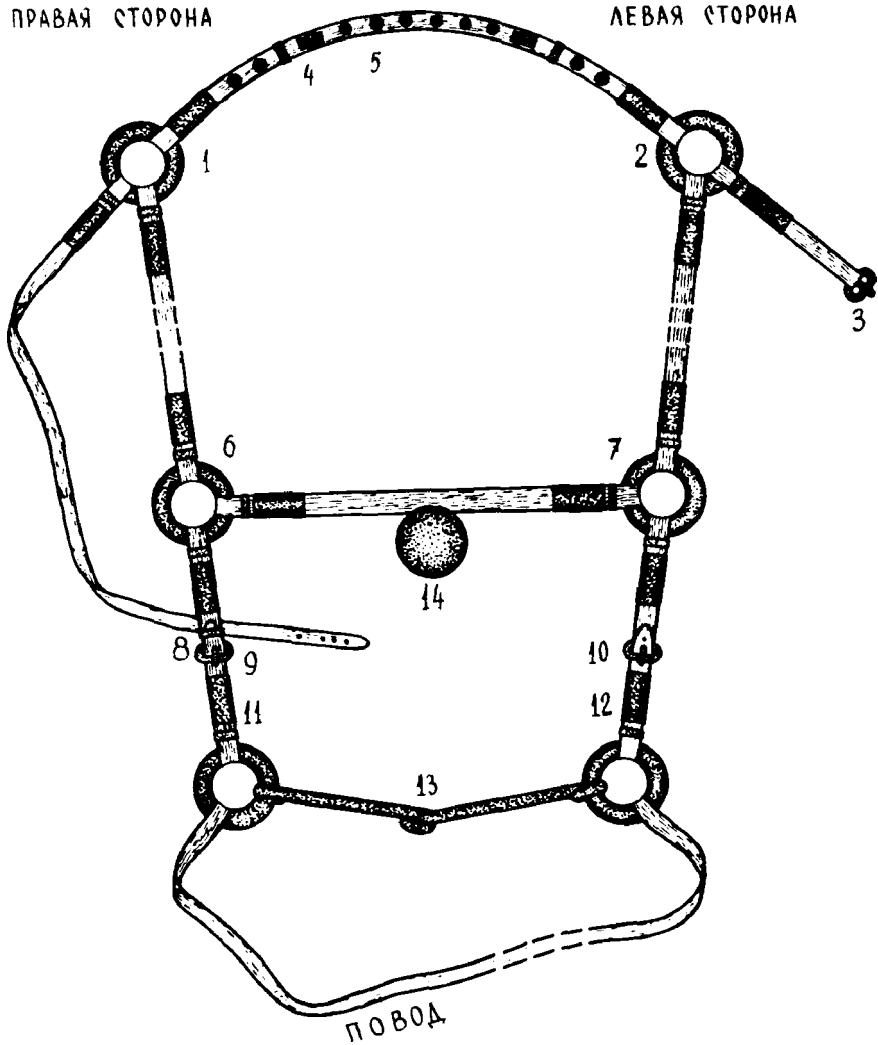


Рис. 4. Реконструкция оголовья с удилами.

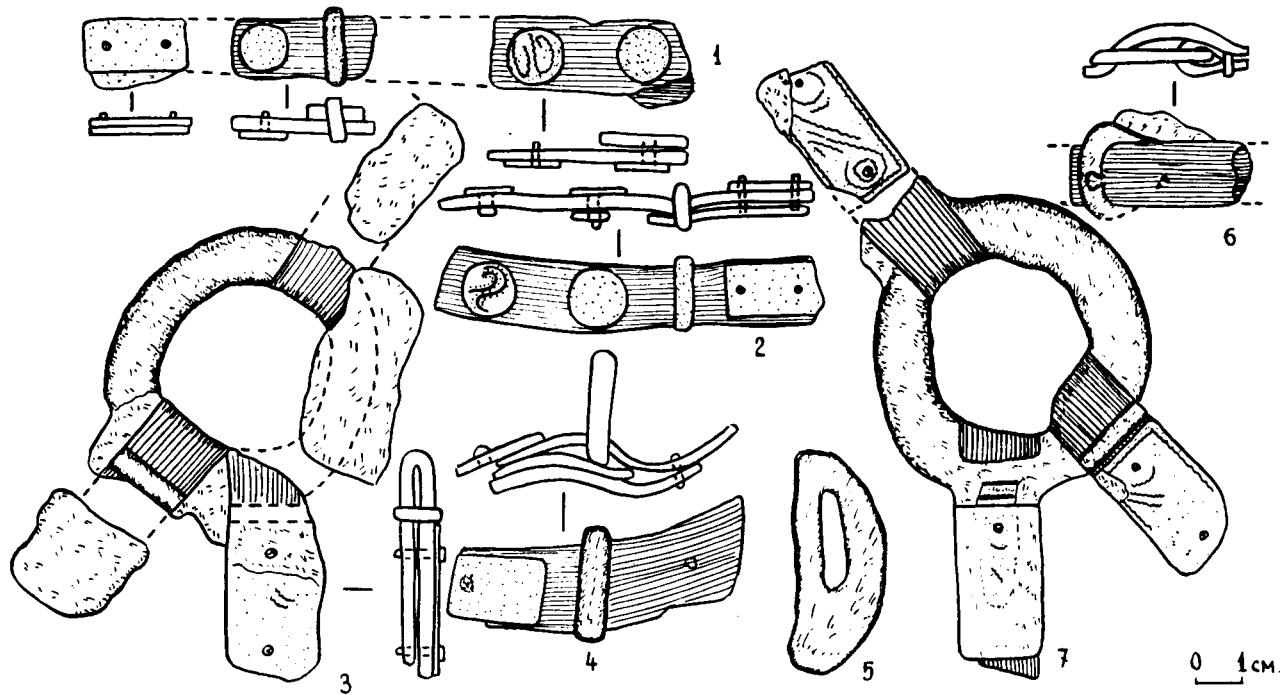


Рис. 5. Предметы из тайника.

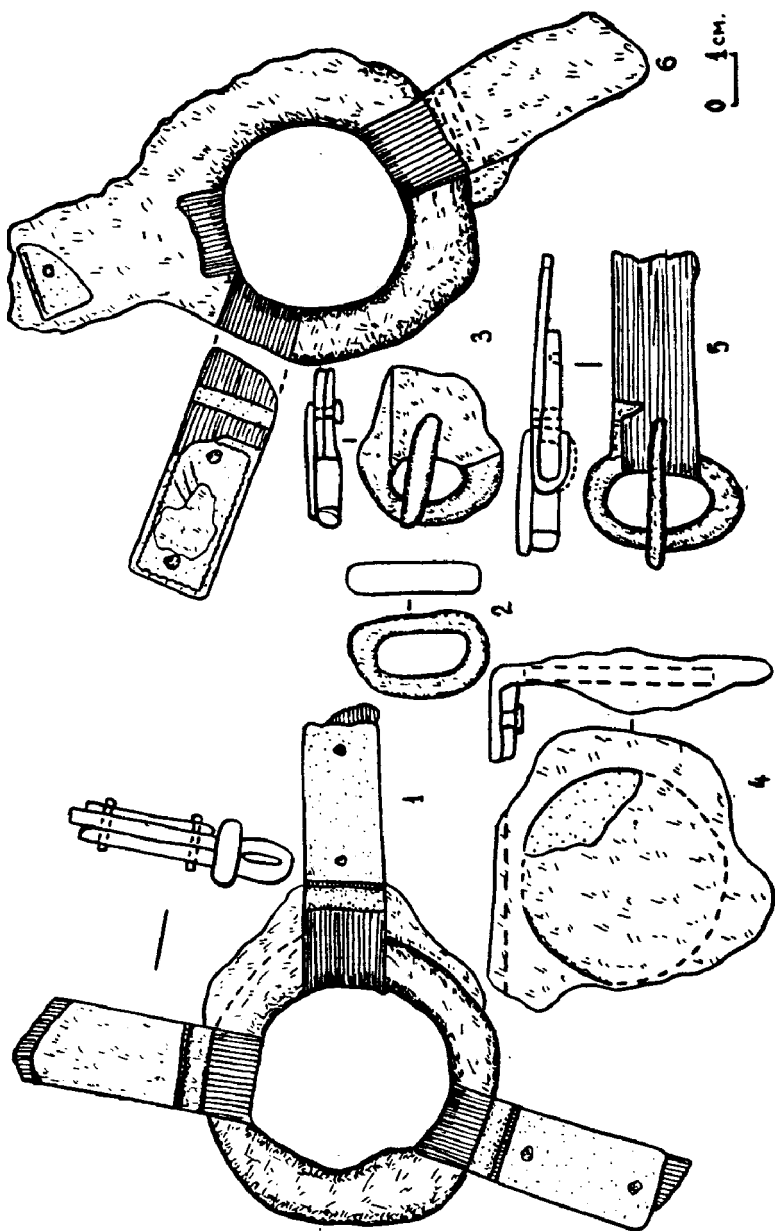


Рис. 6. Прорезы из тапика.

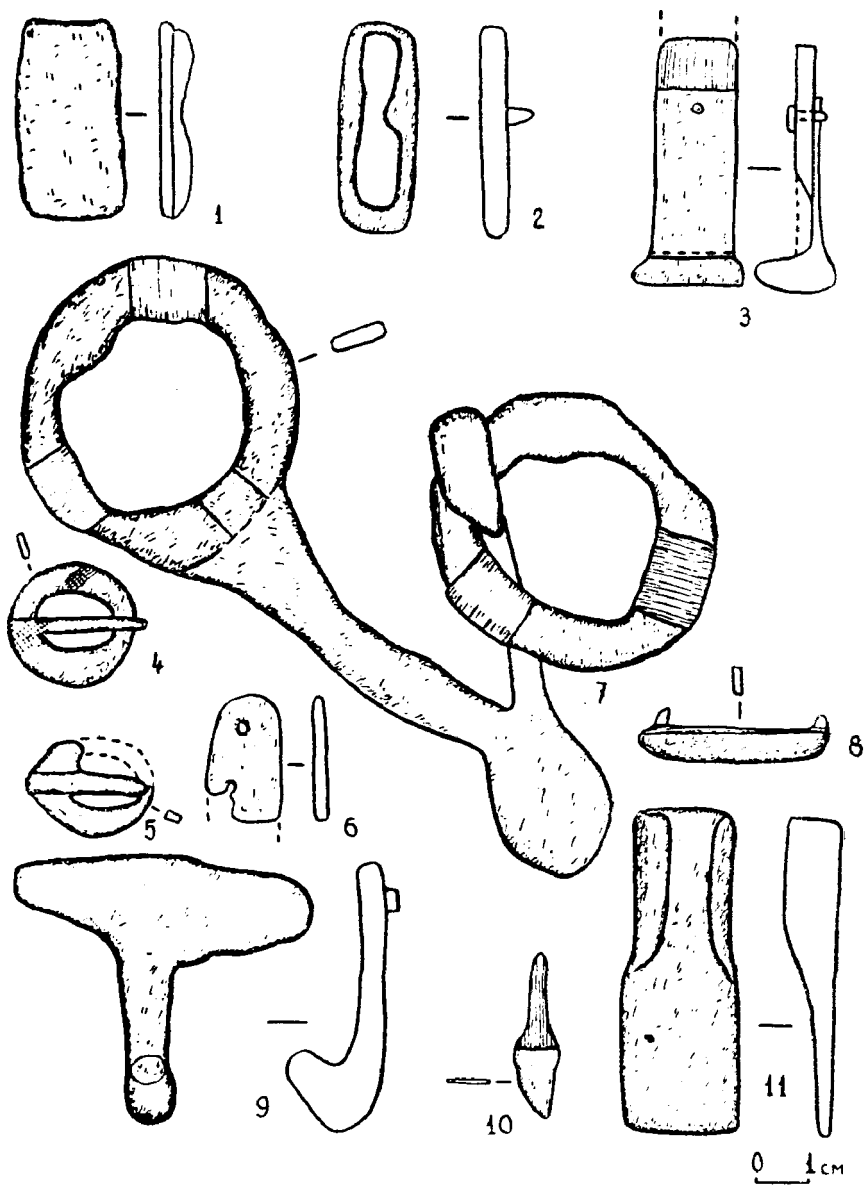


Рис. 7. Предметы из тайника.

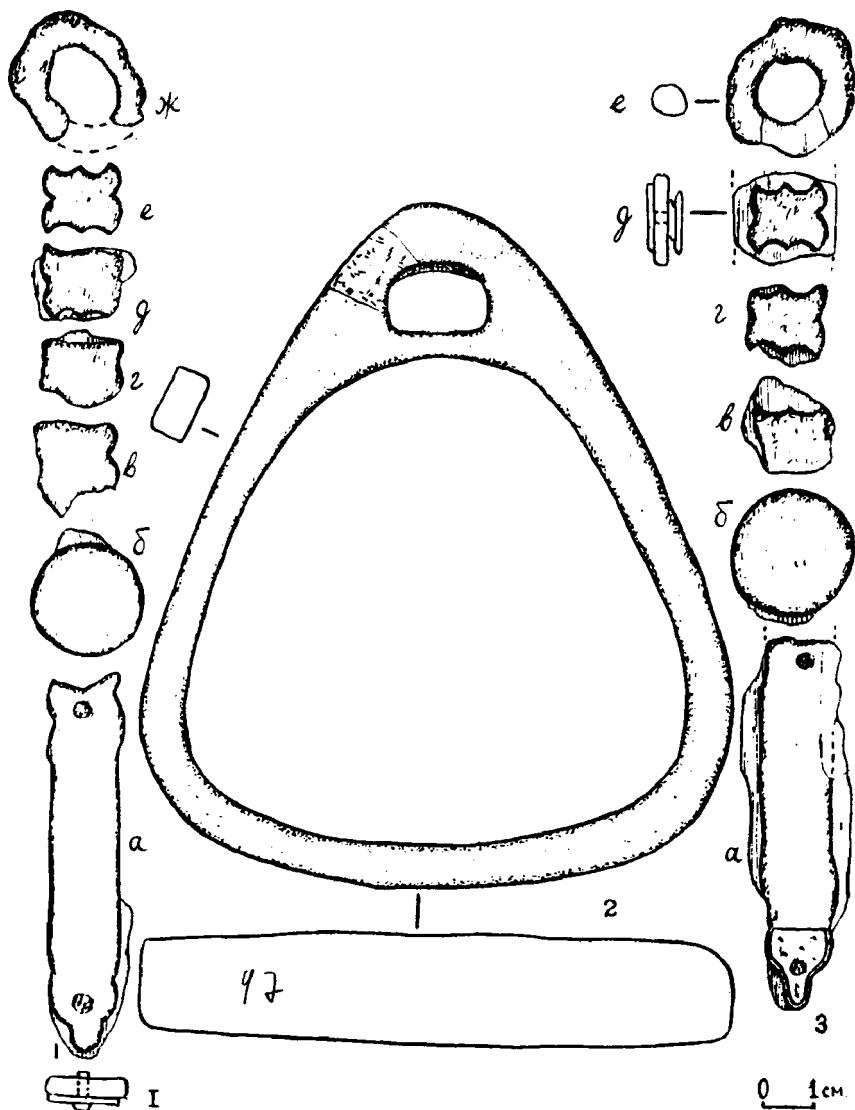


Рис. 8. Змеинкинский курганный мошльник. Курган 53. Тайник. Костяное стремя (2) и примыкающие к нему железные детали (1) путлищного ремня. Железные детали (3) второго путлищного ремня (без стремени). 2 - кость, остальное железо с остатками кожи.